

«Власти Центральной Азии должны отойти из мышления, которое по-прежнему сохраняет советское наследие разделения государства и религии, понимаемое как запрет религии, вмешивающейся в дела государства, но при котором государство имеет право контролировать все или большую часть религиозной деятельности» – считает Себастьян Пейруз, профессор Центрально-азиатской программы Института европейских, российских и евразийских исследований Школы международных отношений Эллиотта при университете Джорджа Вашингтона в интервью для CABAR.asia.

Подпишитесь на наш канал в [Telegram!](#)

Какова ситуация с религиозным образованием в Центральной Азии? Есть ли общие тенденции?

Себастьян Пейруз. Фото с личного архива.

В Центральной Азии действительно существует общий подход к религиозному образованию, который, однако, основан на более конкретной политике в каждом государстве.

В целом правительства Центральной Азии проявляют осторожность в отношении обучения исламу, опасаясь, что его неконтролируемое развитие может выйти из-под контроля, как показал опыт нескольких других мусульманских государств, таких как Афганистан. Поэтому они подошли к религиозному образованию через риторику безопасности. Для властей в регионе правительство должно регулировать религиозное образование, чтобы противостоять тому, с чем столкнулся ряд новых независимых стран, а именно, фундаменталистские группы, использующие любой моральный или политический вакуум для своего продвижения. Например, узбекские власти при

бывшем президенте Каримове считали, что в таких странах, как Пакистан, религиозное образование позволило радикальным группам и организациям войти в систему религиозного образования, а в Афганистане привело к появлению талибов.

Следуя примеру лидеров в Каджарском Иране, Османской империи или Египте в девятнадцатом и двадцатом веках, страны Центральной Азии стремились объективировать и функционализировать Ислам и его учение. Религиозному обучению официально поручено воспитывать молодежь в духе межэтнического и межрелигиозного согласия, вносить вклад в создание общей культурной основы и минимизировать политизацию религии и превращать ее преподавание в дружественный дискурс. Функционализация исламского образования была установлена в строгих законодательных и институциональных рамках.

Религиозному обучению официально поручено воспитывать молодежь в духе межэтнического и межрелигиозного согласия, вносить вклад в создание общей культурной основы и минимизировать политизацию религии и превращать ее преподавание в дружественный дискурс.

Политические власти Центральной Азии, как правило, выступают против вмешательства религии в государственные образовательные учреждения. Это отличает их от некоторых других государств в мире, таких как Россия, с одной стороны, в которых светские школы постепенно вводят религиозное образование, или, с другой стороны, от мусульманских государств, таких как Ливия, в которых школы, хотя и базируются сами по западной модели, включили исламский компонент в свою учебную программу, чтобы ответить на заявления внутренних критиков о том, что их образование слишком ориентировано на запад.

В большинстве стран Центральной Азии преподавание ислама в его богословском измерении ограничивается утвержденными государством религиозными школами среднего уровня – медресе – и некоторыми высшими учебными заведениями. Правительства центральноазиатских стран имеют ограниченную контролируемую сеть религиозных школ, которые они считают достаточными для охвата всего географического пространства страны. Эти институты созданы как места для распространения утвержденной религиозной доктрины и повторное центрирование религиозной власти под контролем политической власти. У коранических школ нет другого выбора, кроме как уступить правительственной политике. Их роль ограничена обучением элиты, которой поручено поддерживать власть и ее дискурс.

Выпускницы медресе "Ала-Тоо" в селе Ивановка, Чуйской области Кыргызстана. В медресе учащиеся принимаются после окончания 9-го класса. Фото: ittatag.kg

Однако некоторые страны, такие как Кыргызстан, были более открыты для религиозного образования, в то время как другие, такие как Узбекистан при режиме Каримова, Туркменистан после обретения независимости или Таджикистан после запрета Партии исламского возрождения Таджикистана пять лет назад, были гораздо более репрессивными, что привело к серьезным ограничениям о возможности для верующих получить религиозное образование.

Узбекистан в течение нескольких лет, после смены власти в стране, открылся миру и начал реформы в различных сферах жизни. Повлияли ли изменения в стране на религиозное образование?

В религиозной, как и в общей политике, в Узбекистане произошли значительные изменения с тех пор, как президент Мирзиёев пришел к власти в 2016 году. Новый президент Узбекистана значительно пересмотрел подход правительства к религии, в частности к исламу, который при его предшественнике воспринимался скорее как

угроза для безопасности политической власти, чем в качестве важного компонента повседневной жизни, а также истории и культуры части узбекского населения. Мирзиёев смягчил существенный подход к безопасности и открыл больше диалога. Среди нескольких мер он положил конец деятельности религиозного комитета службы безопасности, который осуществлял жесткий и зачастую репрессивный контроль над религиозным образованием.

Новый президент Узбекистана значительно пересмотрел подход правительства к религии, в частности к исламу, который при его предшественнике воспринимался скорее как угроза для безопасности политической власти.

Более того, сознавая, что в Узбекистане не хватает хорошо подготовленных богословов, президент Мирзиёев также принял ряд мер по развитию религиозного образования. Среди них он открыл в 2018 году академию, посвященную исламоведению, под эгидой Духовного управления мусульман Узбекистана, которая предлагает двухлетние программы бакалавриата и трехлетние докторантуры. Медресе «Мир-и-Араб» в Бухаре также было преобразовано в высшее учебное заведение, а Институт изучения хадисов в Самарканде предлагает пятилетние курсы по изучению ислама, включая исламскую юриспруденцию, толкование Корана и иностранный язык. Медресе и Ташкентский исламский институт также предоставляют краткосрочное образование, предлагая трех- и шестимесячные курсы Корана и арабского языка. Эти курсы открыты для всех, как мужчин, так и женщин, без ограничения по возрасту и специально предназначены для обеспечения общего понимания Ислама и Корана.

Медресе Мири-Араб в Бухаре входит в состав комплекса Пой Калян. Фото: Luis Bartolomé Marcos

Предстоит еще пройти долгий путь, с одной стороны, потому что остается много других проблемных вопросов, связанных со свободой вероисповедания в Узбекистане, и с другой стороны, поскольку, имея всего 11 исламских учебных заведений, включая 10 медресе, возможности для религиозного образования остаются значительно ниже спроса.

Есть ли рост или спад интереса к религиозному образованию? Какими навыками должен обладать современный выпускник религиозного института? Будет ли он востребован, сможет ли он/она реализоваться на рынке труда?

Несколько исследований показывают, что в Центральной Азии наблюдается заметный рост религиозности, что предполагает, в то же время, рост интереса к религиозному образованию. Помимо молитвы и четырех других столпов ислама, на которые должны подписаться все верующие, изучение религии считается обязанностью и способом поклонения. Для многих религиозные знания — это то, что следует изучать в самом раннем возрасте, будь то в частной (семейной) или общественной (школьной)

обстановке. Опрос “Всемирного обзор ценностей” (World Values Survey) показал, что половина населения Узбекистана (54%) и около трети населения Казахстана и Кыргызстана поддерживают религиозное обучение в государственных школах.

Однако в своем стремлении получить знания об исламе, стремления верующих как в Центральной Азии, так и в других странах, чрезвычайно разнообразны. Эти различные стремления отражают вопросы идентичности, местную мораль и многие политические, экономические и социальные проблемы, вызванные падением советского режима. Изучение Корана, например, также является ключевой частью социализации. Для многих молодых верующих приобретение и демонстрация своих религиозных знаний — это демонстрация уважения к своему семейному кругу. Ребенок, а затем и подросток, подражают своим родителям, молясь и читая Коран. Этот социальный акт выходит за рамки семейного круга: в Таджикистане ученый Маня Стефан показал, что «Ислам предлагает «почетную» возможность городской молодежи для повышения ее социального статуса». Знание и практика ислама являются инструментами местной интеграции (в округе и в социальном кругу в целом) и, для молодежи, обеспечивают признание из окружения своего взрослого статуса.

«Ислам предлагает «почетную» возможность городской молодежи для повышения ее социального статуса».

Что касается части мусульманского населения в регионе, то отсутствие религии или отсутствие религиозных элементов в учебных программах государственных школ, что оправдано принципом разделения религии и государства, получает официальные рассуждения, в которых утверждается, что ислам является одна из исторических и культурных баз страны.

Религиозное образование, безусловно, может быть совместимо с эволюцией современного мира, а также мировой и внутренней экономики. Однако в любом институте религиозного образования важно сочетать религиозные знания с общей подготовкой, которая понадобится будущим выпускникам для удовлетворения потребностей рынка труда. Это означает преподавание гуманитарных и естественных наук, таких как преподавание в светских учебных заведениях, включая экономику, технологии и т.д.

Что делать тем, кто получает / получил религиозное образование в иностранных медресе, университетах? В последнее время считается, что они могут подвергаться нетрадиционным, чуждым взглядам ислама. Как государство должно реагировать на это?

Я думаю, что существенным моментом является не сосредоточение внимания на какой-либо дихотомии между отечественным и зарубежным исламским образованием, а скорее на содержании религиозного образования и учебной программе, предоставляемой в каждом институте религиозного образования, где бы он ни находился. Преподавание ислама через его институты (правительственные или частные, светские или религиозные), его акторы (то есть учителя и студенты, верующие или неверующие) и его содержание (выбор преподаваемых предметов и интеграция исламских понятий, тахиб, в них) были предметом многих дискуссий, которые углубили их разногласия. Все они были по-разному сформированы политическим, интеллектуальным и социальным развитием современной эпохи. Глобализация усугубляет трудности управления религиозной мыслью, которая подвергается феномену гибридизации, который включает столкновение между глобальными, стандартизированными культурными аспектами и местными культурными аспектами. В Центральной Азии, как и везде, говорить о традиционном и внутреннем исламе и более широко говорить об обществе, которое будет совпадать с единой культурой, ограниченной территориальным пространством, бессмысленно. Потоки населения через границы раздробили религиозный авторитет, расстроили социальную иерархию и глубоко бросили вызов традициям знания и веры, а также их практике.

Гарантирование свободы религии, которая включает, в частности, свободу каждого человека исповедовать свою религию и, следовательно, получать указания по этой же религии, в то же время предотвращая вербовку экстремистскими группами, является трудным вопросом, которому каждое государство в мире пытается ответить, и на сегодняшний день не существует идеального решения. Сегодня мы воспринимаем скорее подход по умолчанию, который в основном состоит из выявления медресе и религиозных институтов внутри или за пределами страны, которые могут распространять идеологию, призывающую к насилию, поощрения диалога и мониторинга (отличающегося от подавления) людей, подозреваемых в получении обучения в так называемых экстремистских учреждениях или проповедование насилия или возможность совершения актов насилия. Хотя в некоторых случаях уголовные обвинения могут быть оправданы, это должно основываться на четких доказательствах и приниматься на основе справедливого судебного процесса и в соответствии с нормами международного права. Это также должно сочетаться с диалогом и реабилитацией. Почти систематические подозрения и репрессии в отношении студентов, которые прошли религиозное обучение за рубежом, особенно в Таджикистане и Туркменистане, приводят к их остракизму и могут быть контрпродуктивными и даже опасными, поскольку это может подтолкнуть их к

ситуациям социальной и профессиональной изоляции и тем самым способствовать тому, что они станут более уязвимы для вступления в экстремистские движения.

Каким должен быть уровень государственного контроля в сфере религиозного образования? Насколько государство может вмешиваться в процесс канонического воспитания? Ведь власти стран Центральной Азии подходят к этому вопросу с точки зрения идеологии и безопасности.

Авторитарное управление религиозным и особенно исламским образованием в Центральной Азии действительно заключалось в установлении приоритетов безопасности режима. Религиозное образование может стать частью диссидентского дискурса. В некоторых мусульманских регионах бывшего СССР, таких как Татарстан, такое учение рассматривается как ответ на объявленный секуляризмом политических властей, как двигатель десекуляризации снизу. Учение ислама призвано содействовать реинтеграции религии в социальную сферу и даже бросить вызов самим ценностям и обоснованности официальной светской системы образования. В некоторых странах региона Центральной Азии экономический кризис, нехватка государственных инвестиций в образование и сокращение числа и уровня учителей создают особую нагрузку на систему образования после независимости. Поэтому исламское обучение и его образовательные учреждения можно рассматривать как ответ на деградацию официальной государственной системы образования, что наблюдается в некоторых других странах, таких как Марокко.

Во имя борьбы с экстремизмом власти Центральной Азии в целом сократили рамки религиозного обучения как по форме (институтам), так и по содержанию (место ислама и способы его преподавания в светских и религиозных школах) в пользу строго светской системе образования, которая, по словам властей, отвечает требованиям современности. Однако реализация такой политики может фактически нанести ущерб населению. Вопреки ожиданиям некоторых теоретиков образования, которые призывают школу как средство от так называемого архаичного менталитета, рост светского образования во многих мусульманских государствах фактически поощряет привязанность к исламу и рост исламской тенденции, больше, чем разубеждает. Сокращение и даже исключение религии из государственного образования может быть истолковано населением как оскорбление местной культуры и ценностей, которые, по мнению некоторых верующих, заслуживают традиционного религиозного образования, и вместо этого могут фактически стимулировать протесты или вербовку студентов, которые требуют разнообразия ислама, в большей степени отвечающего их ожиданиям.

Поэтому политическим силам необходимо найти баланс, то есть обеспечить, чтобы предоставляемое образование соответствовало основополагающим принципам терпимости и ненасилия. Тем не менее, политическим силам, безусловно, иллюзорно утверждать, что они контролируют весь контент и считают, что исламское образование может систематически основываться на традиционных ценностях, тогда как оно фактически развивается под влиянием других трансформирующих сил в мире, включая религиозные реформы, национализм, бытовая политика, всеобщее образование и т. д. Обновление ислама под контролем правительства в современную эпоху получило выгоду от новых форм управления, электронных СМИ, всеобщего образования, которые позволили политическим властям выйти за пределы улемов и достичь сознания и образ жизни простых мусульман. Тем не менее, все усилия по мониторингу ислама обошли стороной новый плюрализм знаний и религиозный авторитет, который привел к появлению новых подходов к тому, что значит быть мусульманином, еще больше подрывая амбиции правительства по систематическому контролю.

Как государствам Центральной Азии найти баланс между светскостью и ростом религиозности в стране? Ведь чрезмерное старание сохранения светскости ограничивает свободу вероисповедания?

Следуя примеру многих мусульманских государств после обретения независимости, правительства стран Центральной Азии приняли политику модернизации своих стран на основе принципа светского образования. Тем не менее, они недооценивали и иногда даже игнорировали потенциальный конфликт между секуляризмом и традиционным исламом и мышлением, который накалился за последние двадцать пять лет. Религия и государство, несмотря на их обусловленное разделение в конституции, остаются тесно связанными и смешанными, и каждый из них формирует динамику исламского возрождения в обществах Центральной Азии. Учитывая опыт других стран, строгие ограничения свободы вероисповедания вызывают ряд вопросов.

Несмотря на репрессии против религии, нестандартные потоки религиозной практики и знаний продолжали изучаться и передаваться за пределы кругов улемов. Как показывает турецкий опыт, чрезмерно репрессивная политика рискует подтолкнуть менее умеренное напряжение к участию в подпольных сетях и, следовательно, к выпадению из сетей наблюдения властей. Мустафа Кемаль [Ататюрк] предпринял одну из самых радикальных программ секуляризации в мусульманском мире. Объявив медресе как «выродившиеся руины, которые невозможно реформировать», запретив хадж в течение почти 14 лет (между 1934 и 1947 гг.), а также суфийские ложи, и устранив высшее исламское образование, турецкие государственные власти отметили, что эти реформы четверть века спустя способствовала развитию системы подпольного

образования.

Чрезмерно репрессивная политика рискует подтолкнуть менее умеренное напряжение к участию в подпольных сетях и, следовательно, к выпадению из сетей наблюдения властей.

Более того, строгий авторитаризм, цензура и репрессии, как, например, в Узбекистане Каримова или в настоящее время в Таджикистане и Туркменистане, сокращают средства, которые политические власти должны предотвращать насилие, с которым они хотят бороться. Помимо прочего, цензура и страх мешают знаниям. Согласно кампании «[Докажи, что они живы](#)», за последние несколько лет Туркменистан заключил в тюрьму несколько человек, возвращающихся после изучения религии за границу, а также лиц, которые вернулись и были обвинены в следовании группам, которые власти считают экстремистскими, таких как последователи турецкого исламского мыслителя Саида Нурси или исламского проповедника Фетхуллага Гюлена.

Многие мусульманские государства, несмотря на свой авторитаризм, строили свою политику на основе, среди прочего, опросов общественного мнения. В Индонезии исследования показали, что более 50% учеников старших классов оправдывают использование насилия во имя ислама, точку зрения разделяет часть учителей. Конечно, нет строгого феномена корреляции между мусульманскими государствами, но отсутствие данных в каримовском Узбекистане бросает мрачную завесу на наши знания об ожиданиях, надеждах и разочарованиях верующих, в частности молодежи. Это значительно уменьшает элементы размышлений, необходимых для разработки политики в отношении религии и для понимания потенциальных излишков, которые могут исходить от нее.

В целом, что касается религиозного образования и изучающих религию, поиск баланса между уважением основных принципов прав человека и одновременным снижением риска экстремизма является зачастую хрупким балансом, который продолжает обсуждаться во всем мире. Однако правительства Центральной Азии, если они хотят гарантировать секуляризм и стабильность своей страны, должны содействовать диалогу и доступу населения к достаточному количеству мест отправления религиозных культов и религиозного образования. Они должны выйти из мышления, которое по-прежнему сохраняет советское наследие разделения государства и религии, понимаемое как, запрет религии, вмешивающейся в дела государства, но при котором государство имеет право контролировать все или большинство из них. Религиозная деятельность, которая привела к серьезным ограничениям религиозной практики и во многих случаях к внесудебному давлению и мерам против верующего

населения. Проведение политики репрессий против религии, как в Таджикистане и Туркменистане, например, путем закрытия ряда мечетей, путем подавления мусульман, которых считают экстремистами просто потому, что они связаны с определенными мечетями или исламскими кругами, может подтолкнуть население верующих глубже в подполье и подпитывание дискурса радикальных движений, согласно которому верующие являются жертвами диктаторских и антимусульманских политических режимов.

Данный материал подготовлен в рамках проекта «Giving Voice, Driving Change — from the Borderland to the Steppes Project». Мнения, озвученные в статье, не отражают позицию редакции или донора.

Если вы нашли ошибку, пожалуйста, выделите фрагмент текста и нажмите *Ctrl+Enter*.